

Полферов Яков Яковлевич

Правда о переселении

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Я47

Я47 **Яков Яковлевич П.**
Правда о переселении / Полферов Яков Яковлевич – М.: Книга по Требованию, 2023. –
79 с.

ISBN 978-5-519-78934-9

ISBN 978-5-519-78934-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

края и отправился въ переселеніе съ этой вѣрой, съ этими небылицами въ головѣ. Весь далекій путь совершали, точно будучи во снѣ, въ путевыхъ тягостяхъ, утѣшая себя надеждой на то благополучіе, которое ожидаетъ ихъ впереди. Понятно, какъ тяжело и больно положеніе переселенцевъ, когда они, придя на мѣсто, увидятъ непрigлядную дѣйствительность и вмѣсто благополучія познаютъ горькую юдоль нужды и безотраднѣй жизни. Для такихъ людей все хуже кажется, во много разъ хуже, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ и за этимъ худымъ они уже не могутъ видѣть ничего хорошаго. Такіе люди должны чувствовать себя столь несчастными, что имъ, пожалуй, больше ничего и не остается, какъ вернуться назадъ на старину. И, добравшись до родины, такіе горемыки въ свою очередь будутъ рассказывать про Сибирь разныя небылицы, но только въ худомъ смыслѣ—будутъ расписывать, что хуже этого края и не можетъ быть,—и такими своими рассказами только собьютъ съ толку переселенцевъ, которые на подходящихъ мѣстахъ могли бы устроиться очень хорошо и зажить въ полномъ благополучіи.

Чтобы дать переселенцу возможность имѣть болѣе или менѣе точныя и правдивыя свѣдѣнія о Сибири и вообще о тѣхъ краяхъ, которые служатъ мѣстами водворенія переселенцевъ,

чтобы помочь ему разобраться во множествѣ всякихъ сбивчивыхъ разсказахъ про «новыя мѣста», я и рѣшилъ издать настоящую книжку. Въ ней собрано все болѣе или менѣе существенное о переселеніи. Этотъ матеріалъ былъ напечатанъ мною въ разное время въ газетѣ «Сельскій Вѣстникъ» («Правда о переселеніи», 1896 — 1901 г.г.) и въ приложеніяхъ къ ней. Кромѣ своихъ собственныхъ очерковъ, вошедшихъ въ настоящую книгу цѣлкомъ, я пользовался также тѣмъ богатымъ матеріаломъ о переселеніи, который собранъ въ изданной редакціей «Сельскаго Вѣстника» книгѣ «Свѣдѣнія о Сибири», въ составленіи и редактированіи которой я, между прочимъ, принималъ ближайшее участіе.

Я. Полферовъ.

С.-Петербургъ.

15 июля 1901 г.

I.

Лишь только проглянетъ солнце по весеннему, какъ по первымъ „чернотропамъ“ скрипятъ крестьянскія телѣги съ домашнимъ скарбомъ, по ступицу увязая въ липкой грязи, а возлѣ нихъ плетутся, выбирая, гдѣ посуше, цѣлыя ватаги крестьянъ: тутъ и дряхлые старики, и малые ребятники и бабы съ грудными дѣтниками. Это на новыя мѣста тронулись.

Сбѣгаются эти живые ручейки изъ глухихъ деревень и селъ нашей Руси-матушки, сначала по проселочнымъ дорогамъ, а послѣ по чугункѣ и на пароходахъ, и сливаются на рубежѣ „Рассен“, за Ураломъ, въ одинъ широкій потокъ. Съ шумомъ несется переселенческій потокъ по великому Сибирскому пути, далеко-далеко уносятъ переселенцевъ отъ ихъ родного крова, насыщеннаго вѣковой заботой и трудами отцовъ и дѣдовъ; а куда несетъ — того часто сами переселенцы хорошо не знаютъ. Слышали они на родинѣ отъ бывалыхъ людей, что есть такіе края, какъ „Алтай“, „Амуръ“, „Семь Рѣкъ“, „Семь палатъ“, „Сыръ Дарья“, гдѣ всего довольно — и земли, и покосовъ, и лѣсовъ; гдѣ рѣки рыбой полны, а лѣса всякимъ звѣремъ добычны;

гдѣ пшеница сама-сто да двѣсти родить, а травы—и говорить нечего: какъ въѣдешь, такъ и советѣшь тебя не видно; гдѣ пчелы роятся безъ всякаго ухода, и медъ собирать всякій можетъ, если того хочетъ; а по берегамъ рѣкъ плодовые ронцы стоятъ, и какъ поспѣютъ яблоки либо груши, такъ сами въ воду падаютъ, и ихъ уже мочеными прямо собираютъ на всю зиму.

Одно слово—просторно и вольготно.

Вотъ некая такихъ-то обѣтованныхъ земель и разливается потокъ по киргизскимъ степямъ, по сибирскимъ тайгамъ такими-же маленькими ручейками, какими онъ и собирался изъ глухихъ селъ и деревень внутренней Россіи.

Да и въ пути: въ вагонахъ, на пароходахъ въ разказахъ про новыя мѣста нѣтъ недостатка со всѣхъ концовъ тутъ ѣдетъ народъ. Говорить одинъ-двое, а слушаютъ десятки и сотни, да такъ жадно слушаютъ, что ни одного слова не пропускаютъ, и только слышится голосъ удивленія, когда рассказчикъ начнетъ описывать про вольное житье бытье на новыхъ мѣстахъ.

Сами переселенцы ѣдутъ, ничего вѣрнаго не зная объ этихъ новыхъ мѣстахъ и потому рады послушать „знающаго человѣка“, и такимъ имъ кажется всякій, кто рѣчьнетъ и боекъ на словахъ.

Таковъ ужъ нашъ русскій переселенецъ. Кто много видѣлъ этихъ крестьянъ, наблюдалъ за ними въ дорогѣ, на пунктахъ, тотъ навѣрное замѣтилъ, что переселенецъ не походитъ въ это время на того спокойнаго, равнодушнаго и терпѣливаго крестьянина, котораго мы видимъ въ родной его деревнѣ. По дорогѣ на новыя мѣста этотъ-же самый крестьянинъ совсѣмъ мѣняется: видъ у него какой-то растерянный, задумчивый, безпокойный, и видно, что его томить тяжкая дума-забота. Это бываетъ у большей части переселенцевъ.

Да оно и понятно: люди покинули родной кровъ, гдѣ все имъ такъ хорошо извѣстно, все дорого, мило, гдѣ они жили съ мѣстными порядками, а теперь ѣдутъ въ неизвѣстные края, про которые они хотя и много слышали разныхъ чудесъ, а все же какъ-то душно не на мѣстѣ, и изъ головы пойдетъ дума о томъ: что ихъ ждетъ тамъ — на чужбинѣ. Потому-то, чтобы пайти отвѣтъ на свою безпокойную думу, переселенецъ жадно прислушивается ко всѣмъ рассказамъ про новыя мѣста, про жизнь тамошнюю, про новые порядки, и какъ губка вбираетъ въ себя воду, такъ и онъ слѣпо вѣритъ всему, что слышитъ.

Только на переселенческихъ пунктахъ впервые такимъ крестьянамъ приходится сталкиваться съ правдой о новыхъ мѣстахъ. Тутъ они въ первый

разъ узнають отъ свѣдущихъ людей — переселенческихъ чиновниковъ, что много они наслышались про новыя мѣста, да мало въ томъ правды. Хорошо еще, если переселенецъ во время очнется, послушается совѣтовъ этихъ людей, бросить все свои бредни, которыя внушили ему охочіе люди, оставить свою думку про „молочныя рѣки съ кисельными берегами“ и помирится съ тѣми требованіями, которыя ему предъявляютъ, пойдеть на тѣ земли, которыя ему назначаются. Къ несчастью, много и такихъ переселенцевъ, которые не внимають этимъ совѣтамъ и указаніямъ, отчасти потому, что имъ жалко разстаться съ своею страной „Бѣловодья“, въ которой они уже живутъ мыслями, а отчасти ихъ сбивають все тѣ-же пустые говорюны, что, дескать, „все это одни утѣшенія отъ переселенческаго начальства“. Смотришь, и поднимаются эти переселенцы на новое мѣсто, „гдѣ, какъ сказываютъ, вольготнѣе“.

Такимъ образомъ, собираясь покинуть старое гнѣздо, чтобы переселиться на новыя мѣста, да еще столь дальнія, всякій благоразумный чловѣкъ долженъ прежде всего мѣрами постараться хорошенько узнать, каковы эти новыя мѣста. Въ такихъ дѣлахъ нельзя полагаться на одни слухи (которые обыкновенно больше бывають похожи на сказку, чѣмъ на правду), — нельзя полагаться потому, что перемѣнить на-

всегда мѣсто жительства и хозяйства — дѣло нешутливое. У горожанъ есть пословица, что два раза переѣхать съ одной квартиры на другую все равно, что погорѣть одинъ разъ, потому что при переѣздѣ много домашнихъ вещей портится и пропадаетъ; для сельчанъ это не такъ страшно, такъ какъ у нихъ домашнихъ вещей гораздо меньше; но перейти съ одного хозяйства на другое, за тысячи верстъ, бросить все прежнее хозяйственное обзаведеніе, чтобы завести новое на далекомъ невѣдомомъ мѣстѣ, — это, пожалуй, хуже всякаго пожара, потому что отъ пожара хоть что нибудь останется, а тутъ рѣшительно все покидается, чтобы на новомъ мѣстѣ заводить все сызнова, словно человѣкъ умеръ и вновь родился для новой жизни.

Какъ-же рѣшиться на такое дѣло, не зная хорошенько, на что именно промѣняется старое мѣсто и привычное на немъ житье-бытье? Какъ идти въ Сибирь, не имѣя о ней точнаго представленія?

Сибирь тянется по сѣверной части Азіи, отъ Европейской Россіи на востокъ, до океана, длинной полосой въ тысячи верстъ, и подъ заселеніе пригодна только южная часть этой полосы, и то не сплошь: многія мѣстности и здѣсь для этого пока не пригодны — или потому что нѣтъ воды, которую еще нужно туда

провести, или отыскать на мѣстѣ—добыть изъ глубины земли,—или потому что слишкомъ много воды и болотъ, которыя еще нужно осушить и расчистить изъ-подъ лѣсныхъ зарослей, чтобы сдѣлать эти мѣста пригодными для постоянного житія и хозяйства.

Сибирь есть огромнѣйшая страна, и въ ней много приволья, про которое любятъ толковать въ нашихъ деревняхъ; но только надо знать, какое тамъ приволье. Въ сибирскій планъ или карту можно уложить два съ половиною плана Европейской Россіи, т. е. Сибирь въ два раза съ половиною больше всей Европейской Россіи. Но дѣло въ томъ, что тамъ того полнаго приволья, о которомъ мечтаютъ переселенцы, нѣтъ на самомъ дѣлѣ; но зато немало такихъ мѣстъ, гдѣ человѣку совсѣмъ жить нельзя, гдѣ живутъ только темныя звѣри.

Скажемъ здѣсь вкратцѣ, какова вся страна Сибирь вообще.

II.

Сибирью, или Азіатскою Россіей, называютъ русскія владѣнія, лежащая въ Азіи, по ту сторону Уральскихъ горъ. Сибирь отъ Россіи отдѣляется этими горами, которыя начинаются у Ледовитаго океана и идутъ почти до самаго

Каспійскаго моря. Сѣверной границей Сибири служатъ Ледовитый или Сѣверный океанъ, съ востока Тихій океанъ, а съ юга Китайскія владѣнія и Туркестанъ. Вся огромная площадь Сибири заключаетъ въ себѣ около 12 милліоновъ 300 тысячъ квадратныхъ верстъ—пространство, почти въ два съ половиною раза обширнѣе Европейской Россіи. Вся площадь Сибири считается состоящею изъ двухъ частей: одна Западная, соедняющаяся съ Россіей, вообще плоская и ровная, а другая, дальняя—Восточная, значительно гористая на югѣ. Раздѣлъ между этими двумя частями идетъ, примѣрно, отъ устья рѣки Енисея, черезъ городъ Нарымъ, лежащій на р. Оби, и Кокбукты, въ Семишаланской области.

Взглянувъ на карту, можно видѣть, что западная часть значительно меньше восточной. Западная часть имѣетъ съ юга на сѣверъ постепенный склонъ, покатость, и, въ слѣдствіе этого, вся открыта холоднымъ сѣвернымъ вѣтрамъ, дующимъ съ Ледовитаго океана. Восточная часть на югѣ гориста, а къ сѣверу постепенно понижается и, наконецъ, переходитъ въ болотистыя равнины, которыя тянутся до самаго Ледовитаго океана,—такъ называемыя тундры. Горы восточной части Сибири составляютъ сплошной и непрерывный кряжъ, который въ разныхъ мѣстахъ носитъ разные названія.

Ближайшія къ западной части горы называются Алтайскими, за ними идутъ дальше къ востоку Саянскія, еще восточнѣе—Байкальскія, Становыя и Иблоновыя; между рѣками Амуромъ и Уссури тянется Татарскій хребтъ, а въ Камчаткѣ — Камчатскія горы. По Сибири съ юга на сѣверъ текутъ огромныя рѣки: Обь, Енисей и Лена, а въ Восточный океанъ впадаетъ наша пограничная съ Китаемъ рѣка Амуръ.

Обь и Енисей имѣютъ по 5.000 верстъ длины, Лена 4.500 верстъ, Амуръ болѣе 4.000 верстъ. Въ Обь впадаетъ рѣка Иртышъ, которая длиннѣе нашей Волги. Кромѣ рѣкъ, въ Сибири множество очень большихъ озеръ. Озеро Байкаль, близъ котораго стоитъ городъ Иркутскъ, по величинѣ вдвое больше Ладожскаго озера и немногимъ меньше Азовскаго моря.

Климатъ Сибири вообще суровый и отличается рѣзкими крайностями: зимою стоятъ такія стужи, которыя въ Россіи случаются развѣ только въ Архангельскѣ; иной разъ цѣлыми недѣлями стоятъ морозы въ 30—40 градусовъ; лѣтомъ—другая крайность: донимается ужасная жара, сильнѣе, чѣмъ въ степяхъ на югѣ Россіи. Причина такой суровости зимы уже указана выше: вся площадь Сибири, Западной и Восточной, немножко понижается съ